

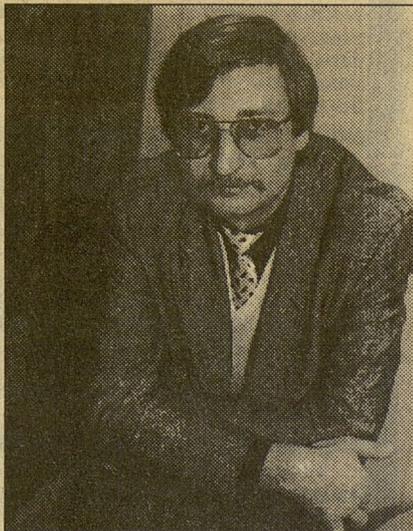
У каждого — своя правда

Может, правда. — 1998. — 13 Янв. — с. 7.

В конце прошлого года на канале «ТВ Центр» состоялась премьера документального цикла «Опаленные властью». Зрителям были предложены два фильма — «Хмурый премьер с детскими глазами» и «Кремлевский дед», напомнившие нам о не столь далеком времени и его главных действующих лицах — Косыгине и Брежневе.

Те, кто смотрел эти фильмы, наверное, подтвердят: интересно. Потому что это — наша история. Впрочем, интересно и другое: само документальное кино, от которого мы уже стали отвыкать.

А возрождением его сейчас занялся ТВ Центр. При «Телефабрике» планируется открыть студию документального кино. Одно из главных действующих лиц на этом поприще — Андрей Шипилов, автор сценария фильмов, открывших цикл «Опаленные властью». Сегодня Андрей Шипилов — гость редакции.



— Андрей, как случилось, что вы, выпускник исторического факультета МГУ, попали на телевидение!

— Сначала я попал на радио, на иновещание, а потом меня пригласили в программу «Мир и молодежь». Затем был «Взгляд», после него «Совершенно секретно» и уже на российском телевидении в 1992 году — «Версии». Это практически начало моей работы над документальным кино. Мы его делали вместе с нынешним генпродюсером ТВ Центра Станиславом Архиповым.

— Напомните, пожалуйста, какие фильмы тогда были созданы!

— Их было четыре: о Берии, Андропове, Громыко и сыне Чанкайши Цзян Цзинго. Из них два первых фильма были мои.

— Выходит, пять лет — с 92-го по 97-й год — вы в этом жанре не работали!

— Почему же? К пятидесятилетию Победы на РТР был создан тридцатисерийный цикл «Моя война». Взлся за него по двум причинам: во-первых, было желание сохранить память о живущих ветеранах. И еще одно. Как-то попал на сборище молодежи у памятника Пушкину и стал свидетелем спора двух парней. Один другому доказывал, что «если бы Гитлер войну выиграл, то мы все бы сейчас на «Мерседесах» разъезжали».

— У меня от таких рассуждений волосы дыбом встали: я понял, что ничего о войне эти юнцы не знают. Захотелось рассказать, чтобы немножко мозги вправить на место.

— С войной мне понятно. Сериал делали к дате, да и другие мотивы вполне объяснимы. А почему начали работать над циклом «Опаленные

властью»? Я не случайно задаю вам этот вопрос: в обществе не утихает тоска по ушедшему времени, плохое как бы забылось, а сейчас хорошего, прямо скажем, немного. И в памяти народной бывшее зачастую воспринимается как высшее благо. Вы же еще и с явной симпатией относитесь к своим героям. Это вполне искренне, или все-таки присутствует желание обострить идущую полемику!

— Косыгина молодежь не знает вообще, даже фамилию такую не слышала. А пожилые люди, которых мы останавливали на улице, говорили: «Хороший человек, жить стали при нем значительно лучше: в новые квартиры переезжали, холодильники покупали...» Что же касается Брежнева, то на слуху последние годы генсека — «застой». Мне не нравился тот карикатурный образ, созданный журналистами: маразматик, наркоман, правящий страной 18 лет. Знаете, это себя не уважать, если так относиться к нашим руководителям.

— Ну что ж делать-то...

— Я захотел восстановить справедливость: показать Брежнева до болезни. Это первое. И второе: было желание вспомнить свою молодость. Согласитесь, всегда приятно. Кроме того, хотелось отыскать в той нашей жизни что-то хорошее. Ведь мы же гордились страной. С моей точки зрения, нельзя все сбрасывать за борт: обзвали застоем и забыли.

— Да, но вы выбрали людей, рассказывающих о ваших героях только хорошее. А ведь было много плохого, та же коррупция у нас — детище Брежнева...

— О коррупции того времени я действительно не стал расска-

зывать. Все меркнет по сравнению с ее нынешними масштабами. А симпатией к своим героям и впрямь проникся по мере более близкого знакомства с их жизнью. Наверное, для автора это неизбежно. Если, конечно, он изначально не ставит своей целью показать злодеев. И потом, не знаю прав я или нет, но мне кажется, что трагедия нашей страны в том, что в 60-е годы реформы Косыгина не были поддержаны Брежневым. Эти два человека, во многом определяющие политику страны, не нашли общего языка. Почему? Может быть, потому, что они были очень разные.

— А может быть, все-таки в трагедии страны есть объективные причины — нежизнеспособность системы!

— Это большой вопрос. Мне никогда не хотелось на веру принимать некие штампы, которые «гуляют» и существуют у нас в мозгах на уровне истины в последней инстанции... Мы вообще удивительный народ — народ крайностей. То превозносим до небес, скажем, того же Сталина, то кидаемся в демократию и становимся демократами впереди планеты всей. А весь предыдущий период мажем черной краской. В начале перестройки, работая во «Взгляде», я и сам немало критических материалов сделал. Но ведь не только же все было плохо. Как-то баланс должен быть...

— Так вы эти фильмы... ради баланса!

— Нет, мне очень хочется, чтобы мои дети гордились своей страной и ее историей. Так, как это умеют делать другие. Наполеон — хороший или плохой был человек? Во всяком случае, крови он пролил очень много. А французы им гордятся. Наша страна, между про-

чим, была в период того же Косыгина и Брежнева сверхдержавой. Мы добились ядерного паритета...

— Да, но прозевали в этот период научно-техническую революцию. И безнадежно отстали во всех отраслях народного хозяйства, за что сейчас и расплачиваемся. Это мы, рядовые граждане, почти никому не ездили, ничего не видели. И масштабов отставания представить себе не могли. А руководители-то государства об этом знали.

— Это с горки сегодняшнего дня легко судить, что было не так. А сейчас посмотрите, что творится. И что, мы четко знаем, куда идем, что нужно делать?

— Вы заканчиваете свой фильм «Кремлевский дед» кадровым текстом, где говорится о том, что нам трудно давать оценку тем событиям. Мол, придет время — оно и рассудит. Когда же придет это время!

— Я не Нострадамус. Но чем больше времени пройдет, тем меньше будет в оценках политической конъюнктуры, тем объективнее они будут. Хотя я убежден, у каждого — своя правда. Ведь недаром греки историю относили к искусству.

— В фильмах задействованы родственники ваших героев. Они охотно идут на общение!

— Не сразу. Встречают предложения, как правило, настороженно. Но я объясняю, о чем хочу снять фильм, и они соглашаются на интервью.

— Какие фильмы еще будут в цикле «Опаленные властью»!

— Я намерен продолжить брежневскую тему. Честно говоря, я сознательно первый фильм сделал несколько предвзятым. Хотелось рассказать о Брежневе то, что о нем никто не помнит. Теперь мне хочется рассмотреть последний период жизни Брежнева, когда он правил страной, будучи тяжело больным человеком. Кто за ним стоял? Как это было? Мне хочется в этом разобраться.

— Что же касается всего цикла, то планы большие: это будут фильмы о Екатерине Фурцевой, Никите Хрущеве, Анастасе Микояне, Саддаме Хусейне...

— Когда мы увидим следующий фильм и о ком!

— В стадии завершения фильм о Фурцевой.

— Будем ждать. Спасибо за беседу.

Валентина
СЕМЕНЕНКО.